

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Европейский университет
в Санкт-Петербурге

Третьи чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биография вне шаблона

22–24 апреля

2005

Санкт-Петербург
2006

Адель Линденмайер Панинское наследство: Детство графини Софьи Владимировны Паниной

Адель ЛИНДЕНМАЙЕР

Университет Виланаова (США)

Среди выдающихся общественных и политических деятелей России начала XX века можно выделить немного женщин, чьи имена стали широко известны, например: А. С. Коллонтай, Н. К. Крупская или имп. Александра Феодоровна. Однако личность одной из их современниц, а именно графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956), поистине достойна и большей известности, и более подробного научного исследования. Жизнь и многогранная деятельность этой женщины чрезвычайно интересны. Судьба графини Паниной, родившейся в Москве в 1871 году, была тесно связана с Петербургом, где она жила с одиннадцатилет. До революции Софья Владимировна не была вовлечена в политику, но занималась многогранной общественной деятельностью, венцом которой стало основание в Серверной столице в 1903 году «Липовского народного дома». После Февральской революции жизнь графини Паниной резко изменилась: в своих межуарах она пишет о том, как «попала в самую гущу политических событий»¹. Весной 1917 года Софья Владимировна была избрана депутатом Петроградской городской думы,

стала членом ЦК партии кадетов, а также являлась единственной женщиной, вошедшей в состав Временного правительства. В мае того же года ее назначили товарищем министра призерения (затем товарищем министра народного просвещения). После Октябрьского переворота ее арестовали и осудили как врага народа. Но Софье Владимировне удалось избежать долгих лет тюремного заключения. Друзья графини Паниной внесли за нее залог, и она, освободившись из Выборгской женской тюрьмы в конце 1917 года, в начале 1918 года уехала из Петрограда на юг России. Во время Гражданской войны графиня Панина входила в состав Ленинского гражданского правительства, а в 1920 году навсегда покинула Россию. В течение первых лет эмиграции Софья Владимировна работала в Лиге Наций в Женеве, оказывая помощь русским беженцам. Затем она переехала в Прагу, где продолжила общественную деятельность в эмигрантской среде. С началом фашистской экспансии графиня Панина покинула Прагу и эмигрировала в США. Там она прожила вплоть до самой смерти в 1956 году в городе Нью-Йорке. Так, в биографии Софьи Владимировны нашли отражение основные этапы и переломы русской истории первой половины XX века.

Знакомство с судьбой Софьи Владимировны Паниной заставляет нас задуматься о том, как произошло, что аристократка, обладавшая огромным состоянием, превратилась в женщину-либерала, занимавшуюся активной общественной и политической деятельностью? Цель статьи — продемонстрировать то, какое огромное влияние на формирование характера и склада ума С. В. Паниной оказали ее детские годы, а именно воспоминания о борьбе между бабушкой и матерью за опеку над состоянием и личностью Софьи. Межары графини Паниной свидетельствуют о том, что эта семейная драма наложила большой отпечаток на всю ее дальнейшую судьбу.

Оба деда Софьи Владимировны были богатыми и видными сановниками, получившими известность благодаря своему вкладу в историю русского государства и русской промышленности. Сергей Иванович Мальцов, генерал-майор, промышленник и миллионер, был дедом графини Паниной по материнской линии. На его промышленных предприятиях в Брянске работали тысячи вольных и крепостных рабочих². Но свое состояние Софья Владимировна приобрела, главным образом, от родственников по отцовской линии. Дед, граф Виктор Никитич Панин, был министром юстиции при императорах Николае I и Александре II. В его собственности находились тысячи крепостных крестьян и имения в нескольких губерниях России. Семейные обстоятельства сложились так, что наследницей графа стала внучка Софья. У Виктора Никитича с его женой Натальей Павловной было четыре дочери и один сын, Владимир. У Владимира в браке с красавицей Анастасией Сергеевной Мальцовой родились две девочки, но выжила только старшая Софья. Отец Софьи скончался, когда ему было тридцать лет. Два года спустя умер дед, Виктор Никитич, и наследницей панинского состояния стала бабушка, графиня Наталья Павловна, а после ее смерти (в 1899 г.) — единственный ребенок единственного сына, внучка Софья³.

¹ Панина С. На Петербургской окраине // Новейший журнал. 1957. Кн. 49. С. 192.

² Ульянова Г. Мальцовы: Двести лет на русском рынке // Век. 1993. № 22(41). С. 12.

³ Письмо А. С. Петрункевич к имп. Александру III от 15 окт. 1882 г. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 3. Д. 1882. Л. 741. Л. 50б.

После смерти отца Софья с матерью жили большей частью на иждивении бабушки⁴. К концу 1870-х годов под влиянием споров из-за опекуновства над доходящими и воспитанием несовершеннолетней, отношения между свекровью и невесткой ухудшились⁵. Именно тогда, когда крепло антиправительственное движение и усиливался террор, мать Софьи познакомилась и влюбилась в Ивана Ильича Петрункевича — выдающегося земского деятеля и лидера возрасставшей либеральной оппозиции⁶.

Связь невестки с Петрункевичем глубоко тревожила старую графиню Панину. По ее мнению, он ничем не отличался от террористов. Более того, Петрункевич был женат и имел пять детей. В 1879 году его арестовали и сослали на долгий срок. В годы ссылки Анастасия Сергеевна с дочерью неоднократно его навещали. Летом 1882 года Петрункевич развелся и женился на матери Софьи⁷. Еще до этого сама Анастасия Сергеевна находилась под пристальным надзором полиции. Ее подозревали в том, что она использовала панинские деньги для оказания материальной поддержки революционерам⁸. В связи с этим бабушка Софьи, графиня Наталья Павловна, начала свою кампанию против матери внучки.

Ситуацию осложняло то, что и у свекрови, и у невестки были влиятельные сторонники при императорском дворе⁹. В итоге усилили графини Наталья Павловны увенчались успехом только после двух лет упорной борьбы. Вначале император Александр II согласился назначить двух сановников соопекунами с Анастасией Сергеевной только над капиталом несовершеннолетней Софьи, который составлял несколько сотен тысяч рублей¹⁰. После же убийства императора 1 марта 1881 года мать Софьи была лишена и опекуновства над личностью дочери, хотя девочке было разрешено жить с матерью. В архивном деле Третьего отделения решение императора Александра III объясняется следующим: «В справедливом опасении, что малолетняя графиня Панина, последняя отрасль этого дома, получила направление, несоответственное его преданиям и нежелательное с правительственной точки зрения, так как графиня Софья будет располагать весьма большими денежными средствами, 3-го февраля сего года [1882] последовало Высочайшее повеление об установлении опеки и над личностью малолетней в лице опекунов: бабки ее Статс-дамы графини

⁴ В 1880 году, например, годовой доход Анастасии Сергеевны состоял из 42 000 рублей, из которых 30 000 были получены от Софьиной бабушки, Натальи Павловны Паниной. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3Д.1882. Д. 741. Л. 160б–17.

⁵ Письмо гр. Н.П.Паниной к министру внутр. дел гр. Д.Толстому, 4/16 окт. 1882 г. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3Д.1882. Д. 741. Л. 1–2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦИА СПб). Ф. 254. Оп. 1. Т. 1. Д. 4266.

⁶ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: воспоминания. Архив русской революции. Т. 21. Гл. 5. Берлин, 1934.

⁷ Там же. Гл. 6–7.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3Д.1882. Д. 741. Л. 15–22об.; Петрункевич И.И. Указ. соч. С. 158–160.

⁹ Бабушка по материнской линии А.Н.Мальцова считалась самой близкой подругой имп. Марии Александровны (Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Т. 2. М., 1929. С. 185–186), а гр. Н.П.Панина была статс-дамой вел. кн. и будущей имп. Марии Феодоровны (Половцов А.Д. Дневник государственного секретаря А.Д.Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 291–292).

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3Д.1882. Д. 741. Л. 160б.; Половцов А.Д. Указ. соч. С. 291–292. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Т. 1. Д. 4266. Л. 21–24.

Натальи Павловны Паниной и дяди Генерал-лейтенанта графа Владимира Васильевича Левашова»¹¹.

Последний акт семейной драмы разыгрался после того, как бабушка узнала о браке невестки с Петрункевичем. Она подала еще одно прошение императору. Наталья Павловна хотела, чтобы внучку полностью изолировали от матери и перевели в женский институт. В своем прошении на императорское имя Анастасия Сергеевна напрасно пыталась защитить себя от злобных обвинений. В октябре 1882 года за индивидуальной Софьей пришел жандарм, который увез девочку в один из институтов для благородных девиц — С.-Петербургское училище ордена св. Екатерины. Матери было разрешено одно или два свидания в месяц, когда она могла увидеться с дочерью только в присутствии представительницы института¹². Напротив института, в котором Софья провела пять лет своей жизни, в своем дворец через Фонтанку жила ее бабушка. Что же касается матери, то она жила главным образом вместе с Петрункевичем далеко в провинции, так как ему как сыльному было запрещено появляться в столице.

Как на С.В.Панину повлияли конфликт между бабушкой и матерью, брак матери с Петрункевичем и насильственная разлука с матерью? К сожалению, по этому поводу сохранилось мало документальных сведений. Основными источниками по этой теме являются воспоминания, написанные десятки лет спустя. Причем они представляют собой два разных варианта толкования одних и тех же событий.

Один источник — воспоминания князя Георгия Васильевича, родственника по линии Паниных. Он родился во время революции и знал «тетю Софью» только после того, как она переселилась в Нью-Йорк. По его словам, «будучи любящей дочерью и оставаясь полностью лояльной к своей подкашпалой, но обожающей ее матери, она никогда не упрекала бабушку, понимая, что та желала лишь ее счастья»¹³. Его воспоминания подтверждают тем, что после окончания института и до того как выйти замуж за сына А.Д.Половцова, Софья Владимировна жила с бабушкой во дворце на Фонтанке, куда она впоследствии вернулась после развода с мужем.

Однако в своих собственных воспоминаниях о детстве, записанных не ранее 30-х годов XX века и оставшихся неопубликованными, Софья Владимировна вспоминала разлуку с матерью по-другому. «До одиннадцати лет, — пишет она, — вся моя жизнь, моя семья, моя любовь, весь смысл моего существования сосредоточивались на моей матери». Между дочерью и матерью существовала негласный договор, «в основу которого легли мужество, честность, ответственность и всегда героический элемент. Так по крайней мере определяю я retrospectивно ту духовную атмосферу, которую создала вокруг меня моя мать в том первом детстве, которое выказывает и определяет личность навсегда»¹⁴.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3Д.1882. Д. 741. Л. 170б.

¹² Петрункевич И.И. Указ. соч. С. 160–162.

¹³ Васильчиков Г.И. Графиня С.В.Панина — последняя владелица Марфина // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 77.

¹⁴ Написанные по черком С.В.Паниной без даты и подписи воспоминания о матери, находящиеся в семейном архиве у В.Лехович (Вашингтон, США).

То, что Софья Владимировна называла «сказка моего беззаботного, радостного детства», внезапно кончилась в октябре 1882 года, когда ее увезли в женский институт. В других неопубликованных мемуарах об институте она вспоминала, что там «все кругом было мне враждебно и ненавистно». Гнев и сопротивление проходят четкой линией сквозь весь текст мемуаров. Софья отказалась называть начальницу «Маман», по-французски, как было принято. Когда же бабушка навещала ее, Софья «сидела, как каменная, не отвечала ни на какие вопросы и обращения бабушки». Начальница пригрозила Софье тем, что из-за ее упрямства ее лишат наследства. По словам Софьи Владимировны: «О "наследстве", о богатстве и деньгах вообще... я знала... мало, но представление, что чувства мои можно "купить" подобного рода угрозой, страшно оскорбило меня... Одним из самых сильных моих детских чувств являлось требование СПРАВЕДЛИВОСТИ и РАВЕНСТВА... Мать и от матери — все. Бабушка и от бабушки — ничего!»¹⁵

Можно предположить, что Софья Владимировна Панина внесла немало долю преувеличения в свои воспоминания. Так, она превращает семейную драму в эпическую моральную борьбу, похожую на борьбу между российским самодержавием и русской общественностью. В то же время нельзя забывать, что девочка Софья действительно оказалась между двумя совершенно противоположными мирами — бабушкиным миром старинной аристократии и институтом для благородных девиц, и миром матери и отчима — миром растущей оплошности. Когда старая графиня Панина умерла в конце 90-х годов, ее наследнице Софье не было тридцати лет. Перед ней стоял трудный выбор, и он пал на мир и жизненные принципы матери. Оказавшись в руках Софьи Владимировны, Панинское наследство пошло на кормление бедных школьников, разработку мер по предупреждению проституции, обучение взрослых грамоте и просвещение рабочих.

Рашит Янгиоров

К биографии поэта Константина Оленина

Рашит ЯНГИРОВ

Библиотека-фонд
«Русское Зарубежье»
(Москва)

В истории русской поэзии XX века Константин Оленин (1881 — после 1939?) остался лишь смутной, едва различимой тенью самого дальнего плана. Его творческий вклад в нее невелик, но, несомненно, оригинален: несколько оленинских строк — на зависть маститым авторам — вошли в национальный песенный фольклор:

*Спите орлы боевые,
Спите с спокойной душой;
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой...*

(«На братской могиле», 1903)

Как стихотворец он сформировался вне школ и направлений и всегда стоял вне литературной жизни — несовместимой со статусом карьерного чиновника, а в годы эмиграции полноценное в ней участие стало для него недоступным по бытовым и географическим причинам. Раз и навсегда избрав жанр интимной и любовной лирики, поэт адресовал свое творчество немногим избранным читателям, читавшим его убежденным «пушкинианцем» и антагонистом «всяких футуро-имажинистически-дадаистических нелепостей, без северянщины, осеннин-

¹⁵ Панина С. В. Мой город. Vokhmetev Archive of Columbia University. Pamina Papers. Box 6. Folder 25. 7–8.